УДК/UDC 347

К вопросу о правовой природе нормы непосредственного применения

Фалецкая Яна Юрьевна
студентка юридического факультета
Российский государственный университет правосудия
г. Краснодар, Россия
e-mail: faleckaya_yana@mail.ru

Аннотация

Стремительное развитие международных экономических связей, как следствие мировых процессов глобализации, обусловило необходимость регулирования взаимодействия национальных систем права. Результатом данной интеграции выступило внедрение во внутреннее правовое пространство государств иностранных актов других стран посредством применения иностранного законодательства, признания и исполнения решений иностранных судов. Автор приходит к выводу, что под нормой непосредственного применения для целей ст. 1192 ГК РФ необходимо понимать отдельное предписания российского законодательства, которое относится к категории императивных норм, подлежащих к применению к осложненным иностранным элементом отношениям вне зависимости от определенного судом или выбранного сторонами права.

Ключевые слова: норма непосредственного применения, сверхимперативная норма, международное частное право, правовая коллизия.

On the Issue of the Legal Nature of the Norm of Direct Application

Faletskaya Yana Yuryevna
student of the Faculty of Law
Russian State University of Justice
Krasnodar, Russia
e-mail: faleckaya_yana@mail.ru

Abstract

The rapid development of international economic relations, as a result of global processes of globalization, has conditioned the regulation of the interaction of national systems of law. The result of this integration was the introduction into the domestic legal space of states of foreign acts of other countries through the application of foreign legislation, recognition and enforcement of decisions of foreign courts. The author comes to the conclusion that one should understand by the norm of direct application for the purposes of Art. 1192 of the Civil Code of the Russian Federation a separate prescription of Russian legislation, which falls into the category of imperative norms, subject to application to relations complicated by a foreign element, regardless of whether the court specifically or the law chosen by the parties.

Key words: direct application norm, super-imperative norm, international private law, legal conflict.

На современном этапе развития международного частного права особую актуальность приобретает появление специальной группы правовых норм, подлежащих к применению к отношениям, обусловленным иностранным элементом вне зависимости от компетентного правового порядка — нормы непосредственного применения. Данные правовые предписания все чаще включаются в источники негосударственного регулирования, акты Европейского союза [1], международные договоры, а также в иные международные частноправовые отношения (трудовые, наследственные, брачно-семейные и т. д.).

Неоднозначность понимания правовой природы нормы непосредственного применения и отсутствие устойчивой практики его применения породило плюрализм мнений относительно понимания сущности ее предмета [2].

Для обеспечения данных предписаний в зарубежных странах используются разные дефиниции: норма непосредственного (прямого) применения, преобладающие императивные положения, вторгающиеся нормы и пр. Положения ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] в ст. 1192 используют формулировку «нормы непосредственного при-

менения», т. е. императивные нормы, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права.

В то же время в теории [4] и правоприменительной практике остается неразрешенным вопрос определения норм непосредственного применения и установления определенных критериев, которые бы позволили разграничить нормы непосредственного применения от иных, не относящихся к сверхимперативным нормам, императивных предписаний.

Ф. Франческакис определил сверхимперативную норму как положение, соблюдение которого необходимо в целях защиты основных интересов общества и государства. Ф. Франческакис, осознавая расплывчатость толкования данного определения, принял решение его дополнить указанием на социальные, экономические и политические интересы организации государства, защита которых может оправдывать использование норм непосредственного применения [5] Я. Крёпхоллер под сверхимперативной нормой понимал служащее всесторонним экономическим и политическим государственным интересам предписание [6].

Историческая близость и принадлежность к одной правовой семье отечественного международного частного права с немецким законодательством в части [7] нормы непосредственного применения позволяет провести правовой анализ данных институтов. Так, Федеральный Верховный суд Германии под нормой непосредственного применения понимает направленную на реализацию экономической или общественной государственной политики норму, вне зависимости от того, относится ли данные отношения к публично-правовым или частноправовым [8]. Данные нормы оказывают влияние на международные частноправовые отношения посредством установления разрешающих оговорок или установления запретов, при условии, что данные нормы были приняты в целях защиты как частных, так и публичных интересов [9].

Отметим, что представленные определения в судебной практике

не могут разрешить проблематику определения нормы непосредственного применения. В содержании постановлений судов указана только цели и причина их принятия, а вне рамок рассмотрения определенного правового конфликта нельзя сформировать единое определение, т. к. норма непосредственного применения, по своей правовой природе не отлична от «обычной» императивной нормы. Каждое императивное предписание важно для защиты и обеспечения экономических и общественных государственных интересов.

В юридической литературе существует позиция, относящая к числу норм непосредственного применения положений процессуального права. В качестве примера авторами указывается п. 2 ст. 404 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [10]: «Подсудность дел с участием иностранных лиц, установленная ст. 26, 27, 30 и 403 настоящего Кодекса не может быть изменена по соглашению сторон».

Как отмечает О. Ф. Засемкова [11], с данным подходом нельзя согласиться. Исходя из содержания п. 1 ст. 1192 ГК РФ, необходимость обращения к норме непосредственного применения обуславливается возможностью применения иностранного права. В гражданском международном процессе [12] отсутствует выбор компетентного правового порядка. Если же вопрос о выборе применимого права не возникает, соответственно, нет необходимости обращаться к норме непосредственного применения.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что под нормой непосредственного применения для целей ст. 1192 ГК РФ необходимо понимать отдельное предписания российского законодательства, которое относится к категории императивных норм, подлежащие к применению к осложненным иностранным элементом отношениям вне зависимости от определенно судом или выбранного сторонами права. Среди признаков нормы непосредственного применения необходимо выделить:

— признак необходимости;
— признак нацеленности на защиту наиболее значимых государственных интересов или отдельных категорий лиц;

— признак особого значения для защиты указанных интересов;

— безусловный характер действия;

— специальную императивность;

— материально-правовой характер.

Суд определяет норму непосредственного применения в соответствии с законодательством, правоприменительной практикой принявшего государства, а также судебной практикой. Следует акцентировать внимание на официальном толковании правовой нормы, практику ее применения. Суды должны учитывать данное обстоятельство при установлении иностранных норм непосредственного применения на основании п. 2 ст. 1192 ГК РФ.

Список литературы

1. Шулаков А. А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм // Lex Russica. 2018. № 4 (137). С. 81–97.

2. Усенко А. С. К вопросу о предмете корпоративного договора // Актуальные проблемы современного частного права: сборник научно-практических статей Всероссийской научно-практической студенческой конференции. 2016. С. 78–80.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

4. Садиков О. Н. Императивные нормы в международном частном праве // Московский журнал международного права. 1992. № 2. С. 71–84.

5. Francescakis Ph. Quelques precisions sur les “lois d’application immediate” et leurs rapports avec les regles de conflits de lois // R.C.D.I.P. 1966. Vol. 55.; Nord N. Ordre Public et Lois de Police. Diss. Strasbourg, 2003. P. 28.

6. Kröpholler J. Internationales Privatrecht. 6 Aufl. Tübingen, 2006. S. 18.

7. Усенко А. С., Кобылинская С. В. К вопросу о совершенствовании институтов права социального обеспечения РФ на основе немецкой социальной системы // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых / Ответственный за выпуск: А. Г. Кощаев. 2016. С. 595–596.

8. Международное право: учебник для академического бакалавриата: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. Н. Вылегжанина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 290 с.

9. Кобылинская С. В., Усенко А. С. Правовой анализ права социального обеспечения в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия // Поли-

тематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 114. С. 313–325.

10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

11. Засемкова О. Ф. О влиянии сверхимперативных норм на действительность и исполнимость арбитражного и пророгационного соглашений // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 103–106.

12. Международное частное право: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2016. 680 с.